

Кросс-культурный анализ японской анимации 2000-2020 гг.: образ ведьмы

Редько Олеся Юрьевна¹

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

alissredko@yandex.ru

Шпак Анна Андреевна²

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

annahey@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу образа ведьмы в японской анимации в контексте глобальных культурных процессов. Рассматривается, как в японской анимации, используется заимствованный из западной культуры образ ведьмы, адаптируется и трансформируется, создаются уникальные визуальные и нарративные структуры. Исследование базируется на качественных и количественных методах, включая контент-анализ, статистический анализ, кросс-культурные сравнения. Особое внимание уделено визуальным характеристикам, нарративным функциям, культурным и мифологическим аспектам, а также социальному контексту, включая гендерные стереотипы и влияние глобализации. Особое место занимает интеграция магии и технологий, уникальная для японского подхода. Ведьмы в японской анимации демонстрируют глубокую связь с местными традициями, включая элементы синтоизма, и становятся частью культурного наследия. В то же время акцент на внутренних конфликтах и амбивалентности образов подчёркивает сложность и универсальность темы. В работе рассматривается значение гибридизации культурных элементов в формировании новых идентичностей в японской анимации и поднимает вопросы взаимодействия глобальных и локальных факторов в процессе создания визуальной культуры.

Ключевые слова: образ ведьмы, японская анимация, гибридизация, кросс-культурный анализ, фольклор, идентичность, синтоизм, амбивалентность, постколониальная теория

Cross-cultural analysis of Japanese animation 2000-2020: the image of the witch

¹ Сибирский федеральный университет

² Сибирский федеральный университет

Redko Olesya Yur'evna
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

alissredko@yandex.ru

Shpak Anna Andreevna
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

annahey@gmail.com

Abstract. The article focuses on the analysis of the witch's image in Japanese animation within the context of global cultural processes. It examines how the witch figure, borrowed from Western culture, is adapted and transformed in Japanese animation, resulting in unique visual and narrative structures. The research is based on qualitative and quantitative methods, including content analysis, statistical analysis, and cross-cultural comparisons. Special attention is given to visual characteristics, narrative functions, cultural and mythological aspects, as well as the social context, including gender stereotypes and the influence of globalization. A notable focus is placed on the integration of magic and technology, which is unique to the Japanese approach. Witches in Japanese animation demonstrate a deep connection with local traditions, including elements of Shintoism, and become a part of cultural heritage. At the same time, the emphasis on internal conflicts and the ambivalence of the characters highlights the complexity and universality of the theme. The study explores the significance of cultural hybridization in shaping new identities in Japanese animation and addresses the interaction between global and local factors in the creation of visual culture.

Key words: witch figure, Japanese animation, hybridization, cross-cultural analysis, folklore, identity, Shintoism, ambivalence, postcolonial theory

Введение

Середина XX века – время активной реинтерпретации образа ведьмы, развивавшейся под влиянием возникшего феминистского движения, а также социально-политических изменений, культурной революции и роста интереса к оккультным и эзотерическим практикам. Влиятельность этого феномена заметна и сегодня: в рамках современного медийного дискурса представления о ведьме подвергаются переосмыслениям, и те качества, которые прежде считались отрицательными, теперь получают положительное освещение: раскрепощенность, внутренняя зрелость и сила, способность защищать свои права, независимость, пренебрежение устаревшими традициями и установками.

В XXI веке образ ведьмы продолжил развиваться в заданном концепциями постколониализма – направлении, которое акцентирует внимание на взаимодействии ведьм

с природой, их сопротивлении империалистическим и гетеронормативным структурам, вместе с тем обретая новую тенденцию – движение в сторону очеловечивания. Ведьма теперь сложный персонаж с личной трагедией, мало чем отличающийся от обычного человека. Сейчас ведьмы активно появляются в хоррорах («Демон внутри», «Реинкарнация», «Ведьма»), становятся главными персонажами сериалов («Салем», «Ведьмы Ист-Энда», «Тайный круг»). Обычным явлением стало создание перезапусков культовых проектов о ведьмах («Леденящие душу приключения Сабрины», «Зачарованные», «Суспирия»). Ещё одним изменением, которое произошло с образом ведьмы в XXI веке, является её более разнообразный внешний облик. Все эти изменения происходят на фоне распространения концепции бодипозитива, борьбы Голливуда за равное представительство всех в киноиндустрии, переосмыслении традиционных женских ролей (изображение женщин в нетипичных для них амплуа и профессиях, таких как ученые, инженеры, военные). Важно отметить, что эти изменения в образе ведьмы в значительной степени ограничены западным кинематографом и телевидением, где активно учитываются зарубежные тенденции и события. Голливуд, как центральный игрок мировой киноиндустрии, отражает глобальные культурные и социальные сдвиги.

Японская анимация, с начала 2000-х годов пережила значительное развитие и стала одной из ведущих форм массовой культуры не только в Японии, но и по всему миру. С каждым годом популярность японской анимации возрастает. По данным Ассоциации японской анимации, 60 компаний по производству аниме представляют свою продукцию в 112 странах, охватывая около 87,2% населения планеты (Kazuaki, 2010). Необходимо отметить, что во второй половине XX века через анимацию происходит проникновение в массовую культуру Японии образа ведьмы, изначально отсутствовавшего в фольклорной традиции страны в привычном нам понимании. Точно так же XXI век продолжает эту традицию, внося свои коррективы в культурный образ. Развиваясь параллельно с западной популярной культурой, образ ведьмы, будучи инкорпорированным в чужеродную среду японской анимации, приобретает собственную интерпретацию, создаёт новый визуальный образ.

Несмотря на то, что художественная история ведьмы укоренилась в веках, всё это говорит о востребованности образа в современной культуре. Таким образом, тема исследования является актуальной и перспективной в рамках изучения массовой визуальной культуры и условиях распространения данного феномена за пределы западных классических канонов, возникновения нетипичных новаторских средств изображения, развития новых жанров.

Методологические основания

Японская анимация представляет собой уникальный культурный феномен, который завоевал международное признание и популярность. С момента своего появления аниме не только отражает японскую культуру, но и активно взаимодействует с культурными элементами других стран, создавая сложные и многоуровневые транскультурные взаимодействия. Эти взаимодействия включают заимствование идей, стилей и сюжетов, что приводит к формированию гибридных культурных продуктов, которые резонируют с глобальной аудиторией.

В контексте транскультурных взаимодействий важно рассматривать аниме не только как продукт японской культуры, но и как медиатор, способствующий обмену культурными ценностями и идеями. Теоретический анализ японской анимации через призму транскультурных взаимодействий позволяет выявить, как культурные элементы адаптируются и трансформируются в различных социальных и культурных контекстах. Этот подход также помогает понять механизмы глобализации культуры и их влияние на культурную идентичность.

Теоретико-методологические основания кросс-культурного подхода включают культурный релятивизм, этноцентризм, подходы этики и эмики, теории культурной идентичности, изменений и глобализации. Культурный релятивизм (У. Самнер, Ф. Боас, Р. Бенедикт) акцентирует внимание на рассмотрении культуры в её собственном контексте, отрицая существование элитарных или неполноценных культур и отвергая этноцентризм и культурный империализм. Р. Бенедикт (Бенедикт, 2005) подчеркнула необходимость анализа культур как целостных систем, избегая сравнения через призму других культур.

Понятия этики и эмики различают универсальные черты (этики) и уникальные аспекты культуры (эмики). Этики отражают такие универсальные явления, как базовые эмоции, в то время как эмики анализируют специфичные традиции, нормы, язык и символы. Использование этих подходов позволяет исследователям обнаруживать как общие черты культур, так и их различия.

Культурная идентичность трактуется как динамическая, социально сконструированная категория, формирующаяся через взаимодействие с другими культурами (С. Холл, К. Гирц, Э. Саид). Она отражает множественность идентичностей, гибридизацию и зависимость от контекста. В условиях глобализации культурная идентичность подвергается изменениям, связанным с интеграцией и взаимопроникновением культурных элементов.

Теория культурных изменений Г. Хофстеде (Hofstede, 2001) акцентируется на влиянии ценностей и норм на поведение через шесть измерений: дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, избегание неопределенности,

маскулинность/фемининность, долгосрочная/краткосрочная ориентация, удовольствие/сдержанность. Хофстеде подчеркивает медленный характер культурных изменений, обусловленный историческими и социальными факторами. Глобализация, согласно А. Аппадурayo (Appadurai, 1996) и К. Ивабучи (Iwabuchi, 1998), усиливает культурные обмены, приводя к гибридизации и формированию новых идентичностей.

Кросс-культурная методология опирается на компаративный подход, выявляющий сходства и различия между культурами. Сравнительные исследования, по Д. Мацумото (Matsumoto, 1997) и Л. Г. Почебут (Почебут, 2005), требуют соблюдения ряда условий: равноценности переменных, достоверности данных, согласованности выборки и проведения повторных исследований для учета изменений в культурах. Методология основывается на стратегии сопоставления, позволяя находить как постоянные, так и переменные характеристики.

Кросс-культурный подход объединяет теоретические и методологические принципы, направленные на объективное изучение различий и сходств между культурами, их идентичностей и процессов изменений, обусловленных внутренними и глобальными факторами.

Обзор научных исследований

Постколониальная теория гибридности тесно связана с кросс-культурным подходом и помогает анализировать взаимодействие культур в глобальном контексте. Основные аспекты включают деконструкцию властных отношений, анализ многообразия и гибридности культур, включение маргинализированных голосов и критическое осмысление культурных репрезентаций. Постколониальная теория исследует, как исторические отношения власти, такие как колониализм, продолжают влиять на современные культурные практики, формируя стереотипы и восприятия.

Хоми Баба ввел понятие гибридности, отражающее постоянные изменения культур через их взаимодействие (Bhabha, 1995). Гибридность разрушает бинарные противопоставления «своего» и «чужого», подчеркивая процессуальность изменений и сложные взаимосвязи культур. Новые формы идентичности, возникающие на пересечении традиций, отражают влияние глобализации и транснациональных взаимодействий. Концепция «третьего пространства» Хоми Бабы анализирует эти процессы, выявляя динамику культурных трансформаций.

Эдвард Саид в своей работе указывал, что колониальное господство не только экономическое или политическое, но и культурное, через создание и закрепление образов колонизированных (Толстанова, 2008). В ответ на это Хоми Баба критикует жесткую оппозицию между колонизатором и колонизированным, акцентируя внимание на

двойственности этих отношений и амбивалентности колониального дискурса. По его мнению, сопротивление колонизированного связано с мимикрией — подражанием колонизатору, создающим одновременно схожесть и различие, что разрушает простую оппозицию.

Гибридность, в работах Хоми Бабы, возникает на пересечении культурных традиций, создавая новые культурные формы и идентичности. Примером служит японская анимация, заимствующая западные мотивы, которые трансформируются в уникальные образы. Концепция гибридности помогает понять, как эти элементы адаптируются, переосмысляются и формируют новые культурные ландшафты. В условиях глобализации, где стираются границы между идентичностями, гибридность становится ключевым инструментом для изучения культурных взаимодействий.

Японская анимация, являясь продуктом японской культуры и транснациональных потоков, отражает сочетание локальных традиций и глобальных влияний. Основой анимационного искусства стали эмакимоно и укиё-э, повлиявшие на визуальную эстетику аниме, а также ранние заимствования техник у американской анимации. В 1960–1970-е годы индустрия развивалась, уходя от западных канонов, а 1980-е стали «Золотым веком», ознаменовавшимся расширением аудитории, включая взрослых, благодаря инновациям, таким как формат OVA, и популяризации культуры отаку. Работы, такие как «Акира» и «Королевский десант», способствовали признанию аниме на Западе.

Согласно М. МакУильямсу, аниме является гибридным продуктом, соединяющим японские и западные элементы (MacWilliams, 2008). Это вызвало дискуссии о национальной идентичности аниме. Коичи Иwabuchi утверждает, что аниме транслирует японскую «мягкую силу», формируя образ Японии через популярную культуру. Одновременно, «американизация» произведений, таких как «Могучие рейнджеры», демонстрирует необходимость адаптации к западной аудитории. Однако, как отмечает Инухико Ёмота (Ёмота, 2018), восприятие аниме за границей часто лишает его японской идентичности, делая его нейтральным культурным продуктом.

Процесс гибридизации аниме, согласно Хоми Баба, создаёт «третье пространство», где локальные и глобальные элементы взаимодействуют, формируя новые культурные формы. Это отражается в интеграции западных и японских мотивов, что делает аниме универсальным, но сохраняющим черты японской культуры. Гибридизация сопровождается процессами локализации, где глобальное переосмыляется через местные культурные особенности, создавая новые интерпретации и смысловые структуры.

Интеграция западных образов в японской анимации

Глобализация и интенсивный культурный обмен в последние десятилетия повлияли на все формы искусства и медиа, включая японскую анимацию. В этом контексте особый интерес представляет процесс интеграции и переосмысления западных культурных образов в локальных японских произведениях. Одним из наиболее ярких примеров такого кросс-культурного взаимодействия является образ ведьмы, который, изначально укоренившись в западной мифологии и литературе, нашел свое уникальное воплощение в японской анимации.

Фольклор формирует иконографию, развивающуюся в местном контексте и узнаваемую для зрителей, что делает его ключевым источником для аниме, особенно в сюжетах о сверхъестественном. Исследователи выделяют два процесса, связанные с фольклорной традицией в поп-культуре: политизацию, превозносящую уникальность японской культуры в рамках послевоенного национализма, и коммерциализацию, где пугающие образы мифологии трансформируются в дружелюбных персонажей. Это приводит к гибкости фольклорных фигур, адаптируемых к разным сюжетам и смешивающих заимствованные черты с локальными.

В японском фольклоре отсутствует самостоятельный образ ведьмы. Он сформировался через заимствование западных представлений, однако интеграция происходила с учётом японской художественной традиции, где ключевыми аспектами остаются разграничение реального и фантастического, а также местные нормы восприятия добра, зла и природы. Японские ведьмы, такие как Ямауба, воплощают силы природы и часто причисляются к ёкаям. Они не изначально человеческие существа, а проявления природных духов, что отличает их от западных ведьм, ассоциируемых с уродливостью, дьяволом и тьмой.

Образы ведьм в японской и западной культурах объединяет связь с магией и сверхъестественным, но их функции различны: западные ведьмы — маргинальные фигуры с зловещими мотивами, тогда как японские могут быть как зловещими, так и благотворными, отражая сложные отношения с природой. В аниме эти образы трансформируются, приобретая черты молодых девушек с магическими способностями. Такие персонажи сохраняют связь с мифологией, но становятся многогранными, сочетают магическую силу с личными и моральными дилеммами. Ведьмы в аниме символизируют силу и внутреннюю борьбу, переосмысляя традиционные образы для современного зрителя.

Переосмысление образа ведьмы в японской анимации требует междисциплинарного подхода, включающего анализ культурных, исторических и медийных контекстов. Основное внимание уделяется визуальным характеристикам (стиль, атрибуты),

нарративным функциям (трансформация персонажей), а также влиянию гендерных стереотипов и глобальных процессов.

Жанр махо-сёдзё, зародившийся в 1960-х годах, сыграл ключевую роль в формировании образа ведьмы как молодой девушки с магическими способностями. Аниме «Девочка-волшебница Мадока» (2011) деконструирует этот жанр, показывая ведьм как результат трансформации волшебниц, вызванной эмоциональным упадком. Лабиринты ведьм, созданные с использованием сюрреалистических визуальных техник, символизируют их психическое состояние. В образах ведьм сочетаются элементы японского и западного фольклора, включая мотивы превращения и символы, такие как магические круги и котлы.

Современные аниме, такие как «Изетта, последняя ведьма» (рис. 1) (2016) и «Непорочная Мария» (2015) (рис. 2), углубляют тему взаимодействия магии и технологий. Изетта связывает магию с природными силами, отражая синтоистские представления, а Мария сталкивается с конфликтом между магией и религиозной моралью, что отсылает к историческим событиям. Обе героини олицетворяют силу и независимость, бросая вызов традиционным гендерным ролям.

Рис. 1. Образ Изетты

Рис. 2 Образ Марии

Робин Сена из «Робин – охотница на ведьм» (рис.3) (2002) представляет собой гибридный образ ведьмы и охотницы, балансируя между долгом и собственной сущностью. Её способности связаны с огнём, символизирующим трансформацию, а сюжет поднимает

вопросы о морали и идентичности. Визуальный стиль, сочетающий элементы японской готики, отражает синтез глобальных и локальных нарративов.

Рис. 3 Образ Робин Сены

Героиня Юко Итихара из «Триплексоголик» (2006) воплощает традиции японской магии и шаманизма, выступая посредником между миром людей и духов. Её образ, включающий элементы оммёдо, демонстрирует интеграцию японских религиозных традиций в современную анимацию.

Рис. 4 Образ Юко Итихара

Основные тенденции образа ведьмы в японском аниме включают феминистский дискурс, амбивалентность, гибридизацию локальных и глобальных традиций, а также глубокое погружение во внутренний мир героинь. Ведьмы изображаются как мощные и независимые фигуры, способные пересматривать культурные границы и исследовать сложные вопросы идентичности и трансформации.

Кросс-культурный анализ двух медийных конструктов

Говоря о фигуре ведьмы в современной западной культуре, следует понимать, что образ сконструирован прежде всего кинематографом. Изучение прогрессивных проявлений

образа ведьмы в анимации затруднено культурным мифом, который по сей день поддерживается в западной мультипликации – ведьмой как символом Хэллоуина. В качестве источников, анализирующего воплощение образа ведьмы в кинематографе, его визуальное и нарративное развитие, будет выступать труд Хизер Грин, в котором проводится комплексное исследование кинематографической ведьмы в рамках американской индустрии производства фильмов, а также ряд работ, сфокусированных на более широких областях западного кино.

Возвращаясь к истокам, можно сказать, что ведьма появилась в раннем Голливуде как четко очерченный повествовательный персонаж, имеющий лишь отдаленное отношение к глубоко укоренившимся социальным и религиозным идеологиям прошлых веков. В рамках американской культурной системы, которая ставила разум выше веры, символическое значение ведьмы ограничивалось ее ролью в определенных жанрах. В те ранние времена ее обычно изображали как причудливую фэнтезийную фигуру («Волшебник страны Оз», 1910), как старуху, живущую в лесу, или как жертву чрезмерного религиозного рвения и социальной жадности («Женщина Жанна», 1916). По мере развития киноиндустрии, которая в конечном итоге была ограничена собственным цензурным агентством, в изображение ведьм стали проникать более сложные методы изображения персонажей, и их значимость в структуре повествования возросла, хотя они и оставались в рамках четких жанровых границ, созданных в более ранние десятилетия. Эта эволюция также привела к более откровенному представлению ведьмы как заблудшей женщины («Странная женщина», 1944), а также к более детальному изображению, которое допускало подрывные интерпретации зрителями, стремящимися убежать от гнетущей социальной реальности.

Затем, когда общество претерпело еще один сдвиг, цензурные нормы были отменены, а гендерное равенство стало важной частью политического дискурса, роль ведьмы в повествовательных произведениях снова изменилась. Она полностью погрузилась в жанр ужасов, обратившись к древним религиозным образам, которые изображали колдовство как разрушительное и злое явление («Ребенок Розмари», 1968). Магия как реальная и жизнеспособная практика постепенно предстала перед общественностью, бросила вызов границам приемлемости и вывела на поверхность разрушительные отношения между зрителем и ведьмой («Практическая магия», 1998).

К 2010 году началась заключительная фаза цикла кинематографа о ведьмах, позволяющая ведьмам бросать вызов структурам и нормам, а не просто принимать их. К 2020 году рассказы о колдовстве обрели глубину и сложность символического значения, которое можно было найти в характере ведьмы. Ведьма – прежде всего амбивалентное

существо, которое всегда трансгрессивно, радикально и потенциально опасно. Тематически современные представления о ведьмах возвращаются к основному образу персонажа: аморальной фигуре, которая служит моральным ориентиром для других персонажей, демонстрируя, что злом является не сама сила, а то, как мы ее используем. «Будь осторожен в своих желаниях» – общая тема этих представлений.

Увлечение западной аудитории художественными изображениями ведьм и колдовства, будь то в контексте оккультных жанров или фэнтези со временем усилилось, стало выражаться более открыто. Хизер Грин отмечает, что зачастую для изображения ведьм в кино используют ключевые культовые элементы, заимствованные из до голливудских традиций (например, черные остроконечные шляпы, метлы). Вместе с тем американский кинематографический архетип ведьмы возник сам по себе, сформировавшись под влиянием американской промышленности, культуры, истории и социально-политических тенденций. В результате сложился особый язык, который в конечном итоге сформировал идеологические концепции, уникальные для американской культуры, начиная с наследия Салема и заканчивая инкорпорацией традиций Худу.

После удаления лишних деталей, сенсационности, фанфар и китча, которые часто встречаются в представлениях, суть повествования об западной ведьме в кинематографе сводится к тому, что это раскрепощенная женщина, соответствующая вековым идеологиям. На заре Голливуда образ ведьмы в основном игнорировался или ограничивался тематически и повествовательно, но позже ее демонизировали, уважали в определенных пределах. Наконец, был пересмотрен, отражая не столько интерес общественности к колдовству, сколько изменение социокультурных тенденций, связанных с гендерной политикой, религиозным самовыражением и активностью женщин. Независимо от социальных стандартов, ведьма остается женщиной на периферии. По мере того, как меняются социальные ценности и модели поведения, меняется и образ ведьмы. Она никогда не остается центральной женской фигурой в истории надолго, поскольку по своей сути является радикальным персонажем.

Однако стоит отметить, что, хотя современные нарративы добились прогресса в изображении женской свободы воли, появились два новых направления: образ ведьмы-монстра и образ женщины-жертвы. В старых фильмах проводилось различие между обвиняемой женщиной, дикой женщиной и фантастической ведьмой. Однако в более поздних фильмах эти персонажи представлены менее четко. Это позволило создать в высшей степени злую ведьму, лишенную идеологических нюансов. Данная тенденция выводит персонажа из сферы социальной критики, превращая ведьму в физическую мерзость, чудовище эпического масштаба, которое, несомненно, не имеет ничего общего с

человеком. Она олицетворяет абсолютное зло («Последний охотник на ведьм», 2015). Так, последние работы привнесли две новые крайности в изображение ведьм: буквальное проявление чудовищной женственности, лишенной всего человеческого, и женщина, наделенная властью только благодаря своему статусу ведьмы.

С течением времени мрачное фэнтези уступило место фильмам для подростков, что характерно для цикла о ведьмах. В то время как создавался новый материал, многие из этих постановок были перезапуском успешных шоу о ведьмах и фильмов, которые были выпущены в 1990-х годах. Продюсеры хотели вернуться к связям, существующим между этими повествовательными структурами и прогрессивной подростковой аудиторией, впервые знакомящейся с современным колдовством. Перезапуски проектов 1990-х гг. претерпели изменения, отражающие большее разнообразие, а также более глубокое выражение политизированного феминизма, характерного для движения #MeToo.

В тот период доминировали две темы. Во-первых, подростковые рассказы выражали желание и потребность в общении с сообществом. «Что нам делать с нашей силой?» – вместо обсуждения идентичности или поиска принадлежности в этих фильмах юные ведьмы изображены в поисках цели в мире. В отличие от молодых необузданных женщин прошлого, эти ведьмы полностью осознают свой дикий статус и отказываются идти на компромиссы. Эти молодые женщины не только отвергают традиционную реинкорпорацию, но и бросают вызов другим и не смиряются с жизнью в тени.

Те фильмы, которые не предназначены специально для подростков, основывают свое повествование на концепции, что колдовство – это способ справиться с травмой. Фильмы в жанре фэнтези и «отрывочные истории» сделали эту концепцию центром повествования, объясняя, что ведьма была просто презираемой женщиной, жертвой общества, скованного собственной догматической негибкостью. В этом отношении все эти ведьмы олицетворяют обвиняемую женщину. Вместо того чтобы ждать своего искупительного спасения, они обречены на трансгрессивное существование. Магия, независимо от того, исходит она от них или нет, становится спасательным кругом. В рамках обеих тем глубина построения персонажей больше не является бинарной, и, хотя существует ностальгическое движение к возрождению культурного наследия, то, что считалось правдой в этих повествованиях, регулярно подвергается сомнению. Таким образом, в одном персонаже могут сосуществовать как положительные, так и отрицательные черты.

Переходя к сравнительной части важно обозначить критерии, в соответствии с которыми будет проходить анализ. Сопоставление кинематографической ведьмы применительно к чуждой для неё культуре основывается на категориях, которые

прослеживаются в любой картине с участием ведьмы, будь то фильм ужасов американского производства или японская анимация.

1) Гендерный поворот

Смена гендерных ролей в изображении ведьм в аниме и западном кино отражает как общие тенденции, так и культурные различия, влияющие на переосмысление традиционных образов ведьм. Оба медиа переосмысливают ведьм как сильных и независимых персонажей, вводя элементы гендерной инверсии и фокусируясь на темах самоидентификации и сопротивления. В контексте аниме спектр проявлений гендерной идентичности расширяется. Произведения могут демонстрировать как типичную для жанра сёдзё феминность, так маскулинность, которая характеризует жанр сёнэн. Ярким примером гендерной инверсии является аниме «Ведьма за работой» (2017). Главная героиня Аяка Кагари – архетипичный персонаж-рыцарь. Она физически и морально сильная, молчаливая и полностью преданная своей миссии. Маскулинные черты героини отображены и на визуальном уровне повествования. Аяки Кагари – высокая, физически развитая девушка, телесность которой постоянно соотносится с главным мужским персонажем картины, лишенным в свою очередь всякими маскулинными характеристиками. В связи с этой тенденцией наблюдается смещение гендерной идентичности, сопровождающееся размыванием границ и неоднозначностью гендерных ролей.

2) Адаптивность

Современная японская анимация активно заимствует элементы западных культурных традиций и смешивает их с собственными мифологическими и фольклорными мотивами. Ведьмы в западной культуре традиционно связаны с колдовством, демоническими силами и магическими предметами. В японской культуре они ассоциируются с духами (ёкай) и демонами (они), а также с процессами трансформации и перерождения. Эти культурные заимствования и синтез создают образ ведьмы, который постоянно изменяется и адаптируется в зависимости от контекста. Таким образом, можно говорить о ведьме как о подвижной структуре. Как персонаж, ведьма вписывается в динамику социальных и культурных норм как в западном кинематографе, так и в японской анимации. Это особенно актуально в контексте феминистских дискурсов.

3) Интертекстуальность

Хизер Грин в своём исследовании кинематографа о ведьмах отмечает важность цитирования, выстраивания преемственных отношений между старыми и новыми образами. Цитирование устоявшихся кинематографических образов – главный приём западных произведений последних десятилетий. Например, фильм «Ведьма» (2015) построен на реминисценциях классических фильмов ужасов 1960-70-х годов («Ребёнок

Розмари»). В японской анимации цитирование происходит на более глубоком уровне, что обусловлено диалектичностью персонажа ведьмы в контексте японской культуры. Режиссеры аниме обращаются как к западному канону изображения ведьмы в целях вписать персонажа в транскультурный глобализированный продукт, так и к локальным культурным кодам, местными особенностями восприятия сверхъестественного.

Можно заметить, что образ ведьмы в японской анимации несколько отличается от западных представлений гибридной природой. Аниме актуализирует технологичность ведьмы. Технологии в западном дискурсе, как правило, представлены в кризисных настроениях, диктуемых размыванием человеческой идентичности героев, которые находятся в тесном контакте с машинами. Более того, инкорпорация ведьмы в технологически развитую среду не характерна для западного кинематографа. В японской анимации напротив наблюдается позитивный взгляд на слияние с технологиями. Магия и технологии в контексте японской анимации находятся в тесном переплетении, а зачастую даже приравниваются друг к другу. Метафорический конфликт между «своим» и «чужим» свидетельствует о том, что японские анимационные произведения о ведьмах – гибридные тексты. Знакомый образ летающей на метле ведьмы вступает в осознанное взаимодействие с местной культурой, в результате чего рождается множественная реинтерпретация героя. Так, ведьмы становятся частью культурного прошлого страны (особенно ярко это заметно в произведениях на военную тематику), перенимают местные ценности и особенности мировоззрения. Иногда в образе ведьмы наблюдается перевес в сторону «японскости» («Триплексоголик»), направленный на трансляцию японских национальных ценностей, однако это достаточно редкое явление.

Вывод

Методология исследования образа ведьмы в японской анимации объединяет качественные и количественные методы, а также кросс-культурные сравнения. Количественные методы, такие как контент-анализ и статистический анализ, позволяют выявить частоту появления визуальных и нарративных элементов, а также закономерности в их представлении. Качественный анализ фокусируется на визуальных характеристиках (стиль анимации, атрибуты), нарративных функциях (роль в сюжете, трансформация персонажей), культурных и мифологических аспектах, а также социальном контексте, включая влияние гендерных стереотипов и глобальных процессов. Результаты исследования демонстрируют, что японский подход к изображению ведьм строится на нескольких ключевых аспектах. Магические силы в аниме символизируют внутреннюю силу и независимость ведьм, которые часто представлены как сильные женские персонажи, бросающие вызов традиционным гендерным ролям. С одной стороны, ведьмы

изображаются как «чужаки», не вписывающиеся в социальные нормы, с другой — активно взаимодействуют с обществом, что делает их образ более человечным. Представление ведьм в анимации тесно связано с культурным обликом Японии, включая осмысление исторического опыта, такого как послевоенная травма. Акцент на амбивалентности и внутренних конфликтах героев подчеркивает деконструкцию традиционного образа ведьмы, исследуя их через призму конфликта между «своим» и «чужим». Кросс-культурный анализ показывает, что ведьмы в японской анимации являются гибридными героями, сочетающими глобальные конвенции изображения с локальными культурными элементами. Уникальной чертой японского подхода является позитивное восприятие интеграции магии и технологий, что контрастирует с кризисными настроениями западного дискурса. Магия и технологии в японской анимации часто переплетаются, создавая образы ведьм, способных функционировать в технологической среде. Это формирует гибридные тексты, где ведьмы вступают в диалог с местной культурой, перенимая её ценности и особенности. В некоторых произведениях, таких как «Триплексоголик», наблюдается преобладание японской идентичности ведьм, что подчёркивает трансляцию национальных ценностей.

Список литературы

1. Appadurai, A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization* / A. Appadurai // University of Minnesota Press. – 1996. – P. 424.
2. Avdeeva, Yu. N. Compensatory Role of Symbolic Mediators in Constructing Ethnocultural Identity / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, N. P. Koptseva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2020. – Vol. 13, No. 5. – P. 702-715. – DOI 10.17516/1997-1370-0600. – EDN WLYNEC.
3. Avdeeva, Yu. N. Specifics of Artistic Culture of the Krasnoyarsk Territory (Krai) Based on Artwork Analysis / Yu. N. Avdeeva, K. A. Degtyarenko, A. A. Shpak // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2017. – Vol. 10, No. 9. – P. 1294-1307. – DOI 10.17516/1997-1370-0137. – EDN ZEZFBT.
4. Bhabha, H. *Cultural Diversity and Cultural Difference* / H. Bhabha // *The Post-colonial Studies Reader*. – London: Routledge. – 1995. – P. 298.
5. Brand-management of Siberian cities (Krasnoyarsk as a case study) / E. A. Sertakova, N. P. Koptseva, M. A. Kolesnik [et al.] // *International Review of Management and Marketing*. – 2016. – Vol. 6, No. 5. – P. 185-191. – EDN WWABUJ.
6. Hofstede, G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. 2nd ed. / G. Hofstede // CA: Sage Publications. – 2001. – P. 468.

7. Iwabuchi, K. Marketing 'Japan': Japanese cultural presence under a global gaze / K. Iwabuchi // *Japanese Studies*. – 1998. – 18 (2). – PP. 165-180.
8. Kazuaki, N. «Anime» makes Japan superpower / N. Kazuaki // *The Japan Times*. – 2010. – № 1 (January 3). – P. 5-11.
9. Kistova, A. V. History and Specificity of Literary Activity of Indigenous Peoples / A. V. Kistova, N. N. Pimenova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2016. – Vol. 9, No. 9. – P. 1932-1944. – DOI 10.17516/1997-1370-2016-9-9-1932-1944. – EDN WWHUPN.
10. Libakova, N. M. Specifics of the Category of "Gender" in the Modern Krasnoyarsk Culture: Results of the Association Experiment According to the Methodology "Thematic Associations Series" / N. M. Libakova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2010. – Vol. 3, No. 5. – P. 727-746. – EDN MUPZXT.
11. MacWilliams, M. W. Japanese Visual Culture: Explorations in the World of Manga and Anime / M. W. MacWilliams // London: An East Gate Book. – 2008. – P. 417.
12. Matsumoto, D. Matsumoto and Ekman's Japanese and Caucasian Facial Expressions of Emotion (Jacfee): Reliability data and Cross-National Differences / D. Matsumoto // *Journal of Non-verbal Behavior*. – 1997. – Vol. 21, № 1. – PP. 3-19.
13. Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia) / N. M. Libakova, A. A. Semenova, E. A. Sertakova [et al.] // *Life Science Journal*. – 2014. – Vol. 11, No. 12. – P. 133-140. – DOI 10.7537/marslsj111214.21. – EDN SHUPLN.
14. Pimenova, N. N. Wooden Zodchestvo of Krasnoyarsk City as the Space for Forming Territorial and Ethno-Cultural Identity / N. N. Pimenova, A. V. Marysheva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2011. – Vol. 4, No. 12. – P. 1784-1793. – EDN OKHXJB.
15. Reznikova, K. V. Three Paintings by Egon Schiele: Ideas About the Essence of Art / K. V. Reznikova, A. A. Sitnikova, Yu. S. Zamaraeva // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2019. – Vol. 12, No. 7. – P. 1240-1255. – DOI 10.17516/1997-1370-0451. – EDN PCGCZV.
16. Semenova, A. A. Modern Practices of Foresight Research of the Future of Social-Anthropological Systems, Including Ethnical Cultural Populations / A. A. Semenova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. – 2010. – Vol. 3, No. 5. – P. 667-676. – EDN MUPZWF.
17. Seredkina, N. N. "The Frieze of Life" by Edvard Munch: Philosophical and Art Analysis / N. N. Seredkina, A. V. Kistova, N. N. Pimenova // *Journal of Siberian Federal University*.

Humanities and Social Sciences. – 2019. – Vol. 12, No. 7. – P. 1295-1315. – DOI 10.17516/1997-1370-0446. – EDN AQYGSD.

18. Zhigaeva, A. A. Current trend in the study of culture based on visual arts / A. A. Zhigaeva // Prospect Svobodny – 2023, 24–29 апреля 2023 года. – Сибирский федеральный университет, 2023. – P. 145-146. – EDN IVPQFW.

19. Бакланов, Ю. А. Влияние теории перформатизма на современное понимание перформанса как формы искусства / Ю. А. Бакланов // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 38-48. – EDN FSBYHW.

20. Бенедикт, Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США / Р. Бенедикт // Вестник культурологии. – 2005. – № 1. – С. 93-107.

21. Воспитательный потенциал литературного жанра фэнтези для современной подростковой культуры / О. А. Карлова, Н. П. Копцева, К. В. Резникова, А. А. Ситникова // Science for Education Today. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 189-201. – DOI 10.15293/2658-6762.2004.12. – EDN DUJLUL.

22. Дегтяренко, К. А. Авангард и техника: художественное конструирование возможного будущего / К. А. Дегтяренко, Т. К. Ермаков // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 8. – С. 1454-1464. – EDN BYNIVD.

23. Дегтяренко, К. А. Научно-художественные инновации в советском изобразительном искусстве 1919-1930 годов / К. А. Дегтяренко, Н. П. Копцева, Ю. Н. Менжуренко // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 1247-1256. – EDN LPQAXY.

24. Дегтяренко, К. А. Цифровая политика Китая: цифровой образ национального государства / К. А. Дегтяренко, В. И. Кирко // Цифровизация. – 2023. – Т. 4, № 4. – С. 8-25. – EDN CRZWMF.

25. Ёмота, И. Теория каваяи / И. Ёмота. – М.: Новое литературное обозрение. – 2018. – 216 с.

26. Ермаков, Т. К. Особенности трансформации нарративных схем при изменении медийной основы произведения (на материале анализа книги, фильма и игры "Крестный отец") / Т. К. Ермаков, К. А. Дегтяренко, А. А. Шпак // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 42-54. – EDN EWCFAB.

27. Жигаева, А. А. Дайджест новостей в сфере развития искусственного интеллекта / А. А. Жигаева // Социология искусственного интеллекта. – 2022. – Т. 3, № 4. – С. 34-40. – DOI 10.31804/2712-939X-2022-3-4-34-40. – EDN EBWHLO.

28. Жигаева, А. А. Комментарии к эссе Ролана Барта «Смерть автора», искусствоведческая медиация / А. А. Жигаева, О. Г. Белоусова // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 80-88. – EDN XYIALC.

29. Жигаева, А. А. Культурный поворот как методологический подход при изучении художественной культуры (на примере визуального искусства) / А. А. Жигаева // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 126-132. – EDN KSLTUF.

30. Жигаева, А. А. Рецензия на монографию Кристофера Форстелла и Уолтера Шрайера «количественная интертекстуальность. Анализ маркеров повторного использования информации» / А. А. Жигаева // Сибирский антропологический журнал. – 2023. – Т. 7, № 3. – С. 60-66. – EDN WITQOJ.

31. Журнал "Зодчий" как источник по истории русского модерна конца XIX- начала XX веков / Н. М. Лещинская, А. А. Ситникова, Е. А. Сертакова, Н. П. Копцева // Былые годы. – 2022. – № 17(3). – С. 1237-1249. – DOI 10.13187/bg.2022.3.1237. – EDN BNRZCL.

32. Исаев, А. А. Некоторые проблемы развития кинофикации на юге Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. / А. А. Исаев // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 8-16. – EDN BSBHNS.

33. Квашнина, Ю. В. Изобретение традиций как социальная технология и культурные практики индустриализации Красноярского края 1960-1980-х гг. / Ю. В. Квашнина // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 22-30. – EDN EQBAFM.

34. Кистова, А. В. Искусствоведческое образование в Красноярске в конце XX - начале XXI вв.: образовательная практика / А. В. Кистова, Н. Н. Пименова, М. И. Букова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 137-153. – EDN HAGRVV.

35. Ковалевский, С. Л. Множества Виктора Сачивко / С. Л. Ковалевский // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2024. – Т. 3, № 3. – С. 47-58. – DOI 10.31804/2782-4926-2024-3-3-47-58. – EDN HRMKRE.

36. Козлов, Е. С. Образ "Космоса" в произведениях современной аудиовизуальной культуры / Е. С. Козлов, Е. А. Сертакова // Цифровизация. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 44-50. – DOI 10.37993/2712-8733-2021-2-2-44-50. – EDN UXJPPV.

37. Колесник, М. А. Искусственный интеллект в сфере культуры и искусства: обзор отечественных публикаций / М. А. Колесник, А. А. Омелик // Социология искусственного интеллекта. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 35-45. – EDN UXOYHC.

38. Колесник, М. А. Искусственный интеллект как системная технология / М. А. Колесник, Н. П. Копцева // Цифровизация. – 2023. – Т. 4, № 4. – С. 59-76. – EDN VOFSNL.

39. Колесник, М. А. Отечественные практики сохранения культурного наследия бесписьменных народов / М. А. Колесник, М. Г. Смолина // Сибирский антропологический журнал. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 41-53. – DOI 10.31804/2542-1816-2018-2-4-41-53. – EDN VOILGY.

40. Колесник, М. А. Философские основы цифрового гуманизма / М. А. Колесник, Н. П. Копцева // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 1. – С. 18-34. – EDN DONPLW.

41. Копцева, Н. П. Актуальные тенденции влияния искусственного интеллекта на современную визуальную культуру / Н. П. Копцева, А. А. Шпак, М. С. Копцева // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 7. – С. 1257-1268. – EDN LVMULS.

42. Копцева, Н. П. Национальное изобразительное искусство в процессе формирования и сохранения этнической идентичности коренных малочисленных народов (на примере хакасского изобразительного искусства) / Н. П. Копцева, Н. Н. Неволько // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 5, № 8. – С. 1179-1198. – EDN PCFBDX.

43. Копцева, Н. П. Продуктивность гендерного подхода для гуманитарных исследований / Н. П. Копцева, Н. М. Либаква // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 1. – С. 400. – EDN PWBCRH.

44. Копцева, Н. П. Социокультурное пространство современного российского города: (на материале анализа города Красноярска) / Н. П. Копцева, Е. А. Сертакова. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. – 128 с. – ISBN 978-5-7638-3345-4. – EDN VNUWFD.

45. Копцева, Н. П. Сумма методов современной урбанистической антропологии: постановка проблемы / Н. П. Копцева, Е. А. Сертакова // Урбанистика. – 2015. – № 2. – С. 40-53. – DOI 10.7256/2310-8673.2015.2.16354. – EDN UHXSRJ.

46. Копцева, Н. П. Эстетические трансформации как идейная основа советского изобразительного искусства 1917-1922 гг. / Н. П. Копцева, Н. Н. Середкина, К. А. Дегтяренко // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 522-535. – EDN NZUUTM.

47. Лещинская, Н. М. Внедрение технологий искусственного интеллекта в России / Н. М. Лещинская, М. А. Колесник // Социология искусственного интеллекта. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 63-72. – EDN LNJOTJ.

48. Лещинская, Н. М. Музыка для компьютерных игр. Творчество Нобуо Уэмацу / Н. М. Лещинская, О. Ю. Редько // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 30-37. – EDN IFJYAO.

49. Ли, В. «действительно выдающийся китаец». Лю Цзэжун в истории советско-китайских отношений "真正杰出的中国人". 中苏关系史上的刘泽荣 / В. Ли, В. Г. Дацышен // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 86-97. – EDN CAGELE.
50. Лобакова, Н. М. Социально-психологические особенности формирования гендерных образов в среде российского студенчества (результаты ассоциативного эксперимента) / Н. М. Лобакова // NB: Проблемы общества и политики. – 2014. – № 10. – С. 101-134. – EDN STWHWB.
51. Межэтнические отношения в Туруханском крае в XVIII-XIX вв. / Е. А. Сертакова, Ю. С. Замараева, А. А. Омелик, М. С. Копцева // Былые годы. – 2024. – № 19(3). – С. 1052-1062. – DOI 10.13187/bg.2024.3.1052. – EDN RMPXYR.
52. Методы изучения культуры / Н. П. Копцева, Ю. Н. Авдеева, К. А. Крупкина [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. – 184 с. – ISBN 978-5-7638-4350-7. – EDN GEDBOV.
53. Михайлова, С. А. Проект системы искусственного интеллекта для сохранения музыкального наследия коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: на примере музыкальной культуры хантов / С. А. Михайлова // Социология искусственного интеллекта. – 2023. – Т. 4, № 4. – С. 45-55. – EDN IXXYLI.
54. Монгуш, Д. Ш. о. Языковая идентичность тувинской студенческой молодежи / Д. Ш. о. Монгуш // Сибирский антропологический журнал. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 25-32. – EDN CZQIKD.
55. Научно-технический прогресс в кинематографе и фотографии на материале российской периодики 1907-1917 гг. / А. А. Ситникова, Н. М. Лещинская, Е. А. Сертакова, М. А. Колесник // Былые годы. – 2023. – № 18(1). – С. 420-430. – DOI 10.13187/bg.2023.1.420. – EDN RGAJPA.
56. Никитина, М. А. Образ жизни России в начале XXI века на материале анимации студии "Мельница" / М. А. Никитина, Н. Н. Пименова // Электронный научно-практический журнал Культура и образование. – 2014. – № 2(6). – С. 49. – EDN RVWGNZ.
57. Новая арт-критика на берегах Енисея / Н. П. Копцева, А. В. Бралкова, А. А. Герасимова [и др.]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. – 340 с. – ISBN 978-5-7638-2537-4. – EDN VIQKIB.
58. Новое Сибирское китаеведение. Базовые концепты китайской культуры / Н. П. Копцева, О. А. Карлова, Л. Ма [и др.]; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – 263 с. – (Путь в будущее: Сибирь глазами ученых). – ISBN 978-5-7638-3475-8. – EDN XSSITJ.

59. Особенности развития партиципаторного искусства в городе Красноярске (Российская Федерация) в начале XXI века / М. А. Колесник, А. А. Ситникова, Е. А. Сертакова [и др.] // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 826-839. – DOI 10.17516/1997-1370-0888. – EDN WTCERE.

60. Пименова, Н. Н. Механизмы социокультурных изменений коренных малочисленных народов Сибири и Севера: концепция культурной травмы П. Штомпки / Н. Н. Пименова // Социодинамика. – 2016. – № 3. – С. 37-45. – DOI 10.7256/2409-7144.2016.3.18210. – EDN VOSPYH.

61. Пименова, Н. Н. Цифровое искусствознание: возможная типология баз данных по искусству / Н. Н. Пименова, А. А. Шпак, К. А. Дегтяренко // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 12. – С. 2273-2284. – EDN AAYGXA.

62. Пименова, Н. Н. NFT-искусство и новый арт-рынок: взлет применения блокчейн-технологий в 2021 году / Н. Н. Пименова // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 8-18. – EDN CXRAPA.

63. Почебут, Л. Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности: учебн. пособие / Л. Г. Почебут. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та. – 2005. – 279 с.

64. Региональное своеобразие большого стиля: сибирский модерн / М. И. Букова, Н. Н. Пименова, Ю. С. Замараева, А. В. Кистова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 11. – С. 1956-1973. – EDN FHZYCV.

65. Санг, М. История муральной живописи как репрезентация визуальной культуры Китая / М. Санг // Северные Архивы и Экспедиции. – 2024. – Т. 8, № 3. – С. 68-79. – EDN XNHGPL.

66. Середкина, Н. Н. Антропологические и этнологические подходы к изучению общероссийской гражданской идентичности / Н. Н. Середкина // Сибирский антропологический журнал. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 111-121. – DOI 10.31804/2542-1816-2022-6-1-111-121. – EDN AHNUED.

67. Середкина, Н. Н. Теоретическая модель позитивной этнической идентичности и механизмы ее формирования / Н. Н. Середкина // Социодинамика. – 2016. – № 2. – С. 37-46. – DOI 10.7256/2409-7144.2016.2.17690. – EDN VIDHBJ.

68. Сертакова, Е. А. Образ творца и творчества в живописи классицистов: анализ-сравнение мифологических произведений «вдохновение поэта» Н. Пуссена и «Сафо и

ФАОН» Ж.-л. Давида / Е. А. Сертакова // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 7-19. – DOI 10.31804/2782-4926-2024-3-1-7-19. – EDN FXUMUA.

69. Сертакова, Е. А. "Символический менеджмент" как механизм создания позитивного социального и культурного пространства города / Е. А. Сертакова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1. – С. 1880. – EDN VIFGDL.

70. Сертакова, Е. А. Социальный конструктивизм как концепция конструирования этноса / Е. А. Сертакова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 999. – EDN RVDCOR.

71. Ситникова, А. А. Визуализация сущности творчества Анри Руссо на картине "Праздник ребенка (ребенок с марионеткой)" (1903) из собрания Винтертурского художественного музея / А. А. Ситникова // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2022. – Т. 1, № 2. – С. 32-54. – DOI 10.31804/2782-4926-2022-1-2-32-54. – EDN YPIDOW.

72. Ситникова, А. А. Три картины китайских современных художников городского округа Хулунбуир (автономный район Внутренняя Монголия) / А. А. Ситникова, С. Ли // Сибирский антропологический журнал. – 2020. – Т. 4, № 3. – С. 118-129. – DOI 10.31804/2542-1816-2020-4-3-118-129. – EDN ZGDPUB.

73. Социальная (культурная) антропология / Н. П. Копцева, Ю. С. Замараева, Н. А. Бахова [и др.]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. – 240 с. – ISBN 978-5-7638-2393-6. – EDN SMPQCV.

74. Социология искусственного интеллекта: подходы, методы, проблемы / Н. П. Копцева, Ю. С. Замараева, К. А. Дегтяренко [и др.]. – Красноярск: Красноярская региональная общественная организация "Содружество просветителей Красноярья", 2024. – 344 с. – ISBN 978-5-605-07717-6. – EDN GHNIWW.

75. Творчество красноярского художника Василия Слонова / А. А. Ситникова, А. А. Жигаева, А. А. Федорова, М. Санг // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 879-893. – DOI 10.17516/1997-1370-0894. – EDN ILOJUX.

76. Теория и практика прикладных культурных исследований: региональный проект: Коллективная монография / Н. П. Копцева, А. А. Семенова, К. В. Резникова [и др.]. – Санкт-Петербург: Эйдос, 2013. – 224 с. – ISBN 978-5-904745-22-6. – EDN SPRIDX.

77. Тлостанова, М. В. Деколониальный проект: от политической деколонизации к деколонизации мышления и сознания / М. В. Тлостанова // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Вып. 5-6 (44-45). – С. 170-183.

78. Трансформация городской среды Красноярска в 1991–2017 годы / Е. А. Сертакова, К. А. Крупкина, А. В. Кистова [и др.]. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. – 76 с. – ISBN 978-5-7638-4177-0. – EDN CMBQME.

79. Управление брендингом сибирской территории в свете "нового регионализма" / К. В. Резникова, Н. Н. Пименова, А. В. Кистова [и др.] // Социодинамика. – 2016. – № 1. – С. 137-161. – DOI 10.7256/2409-7144.2016.1.17395. – EDN VIDGXX.

80. Хагбин, М. Основные этапы культурного диалога России и Ирана до 21 века / М. Хагбин // Сибирский антропологический журнал. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 76-85. – EDN VTT CER.

81. Художник в периодическом издании Российской империи «Вестник изящных искусств» 1880-х годов / Н. А. Сергеева, А. В. Кистова, Т. К. Ермаков, А. А. Омелик // Былые годы. – 2023. – № 18(3). – С. 1396-1408. – DOI 10.13187/bg.2023.3.1396. – EDN SJPXKD.

82. Пименова, Н. Н. NFT-искусство и новый арт-рынок: взлет применения блокчейн-технологий в 2021 году / Н. Н. Пименова // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 8-18. – EDN CXRAPA.

83. Сметанина, М. Д. Культурно-исторические трансформации идеи университета / М. Д. Сметанина // Сибирский антропологический журнал. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 122-128. – DOI 10.31804/2542-1816-2022-6-1-122-128. – EDN TFHAQL.

84. Шестакова, Н. Н. Уровни концептуализации справедливости: структура и динамика / Н. Н. Шестакова // Сибирский антропологический журнал. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 95-101. – EDN PXOYUI.

85. Шпак, А. А. Концептуальные и методологические основы исследования сложных социальных идентичностей / А. А. Шпак // Социальная антропология Сибири. – 2020. – Т. 1, № 1. – С. 48-60. – EDN LJMMEJ.

86. Шпак, А. А. Концепция Владимира Геройменко «Дополненная реальность и искусственный интеллект. Слияние передовых технологий» (Springer, 2023) / А. А. Шпак, В. И. Кирко // Социология искусственного интеллекта. – 2023. – Т. 4, № 3. – С. 22-40. – EDN VPNIHE.

87. Шпак, А. А. Фигура антагониста в эвенкийском эпосе / А. А. Шпак // Сибирский искусствоведческий журнал. – 2024. – Т. 3, № 2. – С. 70-85. – DOI 10.31804/2782-4926-2024-70-85. – EDN HPGOTK.

88. Шурманова, А. А. Возможности применения теории знаков Чарльза Пирса к особенностям работы компьютерного зрения / А. А. Шурманова // Цифровизация. – 2024. – Т. 5, № 3. – С. 19-29. – EDN MGLETM.

89. Шубенкова, К. В. Современные технологии и права человека: возможности и риски / К. В. Шубенкова, Е. П. Малахова // Сибирский антропологический журнал. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 137-139. – EDN EKZVND.

90. Шушпанов, К. С. VPN, Даркнет и непосредственная реализация права человека на информацию / К. С. Шушпанов // Сибирский антропологический журнал. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 105-111. – EDN CUELTN.